

Глава 1. Откуда на мглинскую землю пришли мои предки

Литвины, казаки и культурное своеобразие жителей края

Мглинская земля, расположенная в бассейне рек Ипути и Судости, в древности была заселена летописным племенем радимичей. В IX-XII веках это было место «стыка» северян, радимичей, кривичей и вятичей. Сначала Мглинская земля стала ареной вражды двух сильнейших княжеств Древней Руси – Черниговского и Смоленского, а затем, оказавшись пограничьем между Москвой, Литвой и Польшей, часто была в эпицентре многих драматических событий борьбы этих государств за территорию Чернигово-Северщины.

Начиная с XVI в. территория Мглинского края входила в состав Стародубщины, порубежной самой северной части малороссийского казачества. Исторические моменты происхождения казаков, образования казачьих селений, традиции и нравы на данной земле стали основой формирования особого языка и самобытной культуры всего Стародубского региона, включая, в том числе, и Мглинский край. Стародубщина была своеобразным культурным и этнографическим «водоразделом» между великорусским, белорусским и малорусским населением.

Писательница, этнограф, собиратель народных песен и фольклора Стародубщины Мария Николаевна Косич в своем труде «Литвины – белорусы Черниговской губернии, их быт и песни» дает такое описание географии и природы нашего края.

«От границы Стародубского уезда ко Мглину начинается, так называемое «Полесье», которое идет к востоку до речки Дубна и к западу к речке Унече, где станция Полесской железной дороги того же названия. К северу лес тянется ко Мглину и Суражу. Полесье не состоит из сплошной лесной площади: на всем этом пространстве, между лесами, на полянках и перелесках разбросаны села и деревни. <...> Здесь нет шири и глади степной, негде разгуляться взору, но зато на каждом шагу разнообразие леса, горки, лужки, неожиданные обрывы – все это чередуется между собой, каждое местечко манит к себе на отдых. <...> На дне оврагов и в летние месяцы пробирается постоянно вода едва заметными струйками. Эти ручейки, родники и кринички, просачивающиеся в низких луговых долинах, снабжают местность довольно обильным орошением и представляют из себя резервуар, наполняющий речку Росуху ключевой водою. <...>

Шесть мельниц или прудов, устроенных самым примитивным способом, перемалывают только скудный местный урожай и никакого торгового значения не имеют, так как удаленность от городов (30–35 в.) и первобытные пути сообщения далеко не способствуют, а скорее задерживают дух предприимчивости этого непочатого угла. <...>

В общем здесь природа скупа на материальное продовольствие, даже рыбы в реке мало: слишком холодна и быстра для нее ключевая вода. В озерах при мельницах она, пожалуй, и водилась бы, но сильный напор воды весной почти ежедневно размывает плотины и уносит течением вниз не только рыбу, но и мосты с мельницами».

Для того, чтобы определить особенности населения данного региона, которые отличают его как от великороссов, так и малороссов некоторые исследователи называли жителей Стародубщины литвинами, то есть выходцами из Литвы. Так, в 1843 г. автор «Словника украинской мовы» Павел Белецкий-Носенко писал: *«Литвин – житель и подданный Великому Княжеству Литвы. Полтавские малороссыяне называют литвинами всех жителей задесенских, говорящих белорусским наречием»¹.*

Мария Косич отмечала, что все северные уезды Черниговской губернии (Суражский, Мглинский, Стародубский, Новозыбковский) по типу населения составляют, как бы переход от Малороссии к России и населены народом, который по характеру, по наружному виду и одежде отличается как от малоросса, так и от великоросса. В частности, М. Косич замечает: *«литвин, как называют его соседи, с виду неповоротлив, движения его медлительны, ходит «як пень теряз колоду», не предприимчив, беспечен, но при нужде трудится много для своего пропитания...»²*

Сами себя литвины называли «казаками» и «русскими» и, как уже отмечалось, отделяли себя как от великорусского населения, называя их «москалями» и «кацапами», так и от украинцев («хохлов»).

В документах филологической экспедиция в 1924 году зафиксирован такой разговор с жителем Новозыбковского повета:

- Кто вы такие? К какой нации принадлежите?
- Кто мы? Мы руськия.
- Какие русские? Великоруссы, что ли?
- Да не, якия мы там великаруссы? Не, мы ня москали.
- Да кто же наконец?
- Мы – Литва, литвины.

Отметим, что литвины – это не литовцы. Литвины – это подданные Великому Княжеству Литовского или их потомки, пришедшие на Стародубщину из Белоруссии и заселившие свободные земли нашего края. Они имеют примерно такое же отношение к литовцам, как сегодняшние россияне к русским,

¹ Білецький-Носенко П. Словник української мови / АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні; Підготував до видання /В.В.Німчук; Відп. ред. К. К. Цілуйко. – Київ: Наук. думка, 1966.

² Косич М.Н. Литвины-белорусы Черниговской губернии, их быт и песни. – СПб.,1902.

т.е. все русские – россияне, но не все россияне – русские. Известный историк Н. Костомаров считал, что жители правой стороны Десны, то есть Стародубщины, «образовали переходную народность между великороссиянами и малороссиянами»³.

Стародубские литвины XVII века – это «русское» население, которое вследствие замкнутого характера сельской жизни и благодаря проживанию вдалеке от политико-административных и промышленных центров сохранили свой специфический говор и русское самосознание, начиная со времен Древней Руси. Но уже к концу XIX века они стали относиться отрицательно к названию «литвины», считая его унижительным. Живя на периферии и в то же время на перекрестке формирования восточноевропейских народов, они называли себя «руськими» и категорически отмежевывались как от «кацапов» и «москалей» и их языка, так и от «хохлов» и их «мовы». Стародубцы стойко сохраняют это русское самосознание до настоящего времени.

В XVIII в. Стародубщина была малороссийским регионом (хотя и не совсем типичным) и соответственно впитывала в себя весь колорит, менталитет, традиции и культуру, присущие Малороссии. Стародубский край во всем был ориентирован на малороссийское политическое и культурное пространство, что проявлялось во многих аспектах жизни нашего региона. Это было объективно обусловлено сразу несколькими факторами. Стародубщина, еще со времен Древней Руси, волей исторических судеб и в силу своего административного подчинения имела культурно-политические связи в основном с Черниговщиной и Смоленщиной, особенно в период с XVII по XX вв., когда она сначала входила в состав Мстиславского княжества и Смоленского воеводства, а затем Гетманщины и Черниговской губернии. Соответственно, родственные связи большинства жителей Стародубщины, в первую очередь местной элиты, уходили корнями тоже в Смоленщину и Черниговщину.

Будучи в XVI-XVII вв. пограничьем между Польшей, Литвой, Малороссией и Россией, Стародубщина постоянно находилась в состоянии войны и разбойничьих набегов. Военизированный образ жизни, как коренных, так и прибывших, служилых жителей пограничья, объединенных общей задачей – выжить, привел к тому, что казачество, стало наиболее адекватной и естественной формой для достижения этой цели⁴.

Вот как о «казаках» писал Н.И. Костомаров: *«В глазах народа слово казак соединилось вообще со стремлением уйти от тягла, от подчинения власти, от государственного и общественного гнета, вообще от того строя жизни, который господствовал в тогдашнем быту. Издавна в характере русского народа образовалось такое качество, что когда русский человек был недоволен средою, в которой жил, то*

³ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 3. – М., 1998; Поклонский Д.Р. Стародубская старина. Т.1. – Клинцы, 1998.

⁴ Ющенко Н.Е. Малороссийское казачество (краткая историческая справка). <https://archive-bryansk.ru/node/510>; Воропаев А. Стародубцы, кто они? <http://www.st-kazak-polk.ru/starodubtsy-kto-oni>.

не собирал своих сил для противодействия, а бежал, искал себе нового отечества. Это качество и было причиной громадной колонизации русского племени»⁵.

Первые организованные казачьи отряды на Стародубщине появились в середине XVI в., а термин «казак» на ее территории стал использоваться с начала XVI в., когда для усиления охраны русской границы с Литвой в северские пограничные крепости были направлены, так называемые, городовые казаки. Но это название в XVI в. еще не связывало термин «казак» и военную службу.

Дальнейшая история казачества региона связана с его пребыванием в составе Речи Посполитой, когда после подписания Деулинского перемирия в 1618 г. Стародубщина отошла к Польше. Условия тревожной пограничной жизни требовали организации военной защиты границ присоединенного региона, и польское правительство не только терпело казацкие поселения, но и само попыталось в чернигово-северских землях организовать казацкие отряды, предоставляя им за службу значительные земельные участки. Известна даже специальная мера казацкого надела землей этого периода, называемая волокой.

Одновременно они стали укреплять города, предполагая использовать их в качестве крепостей при потенциальных конфликтах с Москвой. Такими крепостями были Стародуб, Почеп, Мглин, Погар, которые в Польше именовали замками. А крестьян, нанятых для защиты города – замковой прислугой. Новое военное формирование было названо казацкой хоругвью (сотней). Были организованы казацкие сотни – Стародубская, Мглинская, Почепская и др. Каждая сотня получала знамя, военную организацию, казаки освобождены были от платежа податей и несения других повинностей⁶.

В состав хоругви нанимали местных жителей, имевших своих коней, привлекая сюда также переселенцев путем предоставления разного рода льгот, зафиксированных в 1625 г. «Привилеем Стародубской козацкой хорогве» короля Сигизмунда III. В частности, в период военных действий казакам хоругви выплачивалось жалованье, а остальное время они «служили с земли». Каждый казак, служивший на своем коне, получал «на каждый конь» участок усадебной земли и 4 волоки (1 волока = 21,36 га) полевой земли за пределами крепостного замка. Казакам предоставлялось право владеть крестьянами, они были освобождены от платежа податей и несения других повинностей. Такая политика имела успех, а предоставление стародубским городам Магдебургского права привело к резкому оживлению экономики региона.

Эти казацкие земельные владения на Стародубщине сохранялись в неприкосновенности не только до конца XVII века, но и в течение всего XVIII века. Возникла даже особая земельная мера – «чвертка», т. е. четвертая часть

⁵ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 3 – 1992.

⁶ Чеплянская Е.А. История казачества на территории Брянской области. <https://archive-bryansk.ru/24.10.2013-4>.

земельного казацкого надела, равная в среднем 22 га Эта четвертка существовала как земельная мера до самого XIX века⁷.

Качественно новый этап в развитии Стародубского казачества начался во время антипольского восстания Богдана Хмельницкого (1648 - 1654), когда наиболее состоятельные местные жители, стремясь сохранить личную свободу и избежать в дальнейшем закрепощения, стали активно записываться в казаки.

В 1663 г. создается самостоятельный Стародубский полк во главе с полковником Петром Рославцем. Административным центром полка стал город Стародуб. Стародубский полк становится в Малороссии самым могучим, как по количеству территории, так и по экономическому развитию. Пока другие казацкие полки Гетманщины оставались ареной постоянных вооруженных столкновений между разными враждующими сторонами, погружаясь в «Руину», расположенный на севере Малороссии Стародубский полк становится уютным местом, далеким от боевых конфликтов.

Во многих селах местное сельское население почти полностью «казачится», увеличивая таким образом военное сословие Стародубского полка. Наличие большого количества освобожденной от поляков земли и недостаток рабочих рук для ее обработки, привлекает на Стародубщину большое количество переселенцев из соседних регионов.

С запада на эти земли приходят белорусы, которые спасаются от польской барщины. Даже в XIX в. потомки белорусских переселенцев добрыми словами вспоминали: *«В старые времена <...> у нас была вольница, или заимка: тогда каждый мог занимать земли столько, сколько ему было нужно. Расчисти – и твое»*.

Когда московские войска во время Смоленской войны временно захватили Почеп, то белорусские крестьяне из-под Кричева в 1633 г. обратились к русскому царю с челобитной, где они просят разрешения на поселение поблизости Почепа: *«Милосердый государь, одари нас, холопов своих, прикажи нам дать <...> свою грамоту, чтобы нам отвели землю, где с женами и детками жить и тебе, государь, служить, чтобы не могли бы похолопить нас ни бояре, ни дворяне»*.

Стародубский краевед Георгий Метельский так рассказывает об этом периоде в своей книге «Листья дуба». *«С запада шли белорусы, разорялись на родине – искать судьбу. Этот пришлый народ застал здесь украинских казаков, владевших землей. Выбирал такой казак в лесу удобный участок, строил две-три хижинки и ставил высокий крест, на котором крупно писал цифру. Цифра означала, сколько лет "свободы" он дает нанимателю, иными словами, сколько лет тот будет освобожден от различных повинностей. Так возникали в нашем краю большие деревни, слободы, сохранившие свое древнее название до сих пор. Случалось, однако, что хозяин нарушал обещание, написанное на кресте, и арендатор, обидевшись, покидал насиженное место и подавался дальше в лес, к другому хозяину»*⁸.

⁷ Романовский В.А. Основные проблемы истории феодализма на левобережной Украине в XVII — XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 г. – Рига, 1963.

⁸ Метельский Г.В. Листья дуба. – М., 1974.

На свободные от польских шляхтичей земли, освобожденные «казацкой саблей», устремляются многочисленные переселенцы, новые крестьянские поселения начинают расти как грибы. При этом обеспеченные, имеющие крепкое хозяйство, записывались казаками, более бедные – крестьянами: «Можнейшие (богатые и значительные) попали в казаки, а подлейшие (беднейшие) остались в мужиках»⁹.

Так возникло Стародубское казачество, которое заметно отличалось от казачества запорожского. Характер и ментальность стародубских казаков коренным образом отличался от характера полуразбойной казацкой вольницы Запорожской Сечи – они более склонны были находиться в подчинении и под защитой своего государя, занимаясь мирным трудом.

Сотни Стародубского полка в XVIII в.

Таким образом, местное казачество возникало под влиянием происходящих исторических событий из местного населения, под воздействием

⁹ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 2. – М., 1998.

соседних казачьих сообществ и государственных образований, имея собственные исторические корни и свою историческую судьбу¹⁰.

Одним из таких факторов становится факт существования на Стародубщине самобытного языка и самобытной культуры населения. Многими исследователями было научно доказано, что язык жителей края существенно отличается как от малорусского, так и от великорусского языка. Малорусский язык и народные песни малороссов довольно давно получили широкую известность среди многих писателей и филологов.

Диалект же жителей Стародубщины начал систематически изучаться лишь в конце XIX в., хотя он находится в той географической части, откуда разветвилось древо единой древнерусской речи периода Древней Руси на позднейшие языки русский, белорусский и украинский. Он в большой степени сохранил признаки древнерусского языка, его типичные элементы. Недаром этот диалект вызывает особый интерес у многих исследователей.

В 1927 г. М.В. Ушаков в статье «Описание говора местечка Мглина Гомельской губернии и его окрестностей» характеризует язык населения нашего края, как *«пеструю смесь украинских, белорусских и южновеликорусских особенностей с преобладанием последних»*¹¹.

Основательный труд в изучении диалекта языка нашего региона проделал профессор Новозыбковского пединститута П.А. Расторгуев. Сам выходец из Стародуба, он организовал сбор народных говоров Западной Брянщины с помощью студентов, выпедших из сел и деревень Стародубщины, опубликовав ряд научных трудов.

В 1927 г. выходят из печати его две работы: «Говоры восточных уездов Гомельской губернии в их современном состоянии» и «Северо-белорусский говор», где рассматриваются фонетические и морфологические особенности говоров Новозыбковского, Мглинского, Стародубского и Суражского уездов. Сравнивая их с соседними белорусскими говорами Расторгуев отмечает, что изучаемым говорам свойственны черты как северо-восточных, так и юго-западных говоров Белоруссии¹². Еще одно описание населения Стародубщины и его языка мы встречаем в очерке «Письма к Родным» известного русского писателя И.С. Аксакова (1823–1886).

¹⁰Трифанков Я. Ю., Трифанков Ю. Т. История Северского и Стародубского казачества (XVI - XVII вв.). – Брянск, 2016; Дзюбан В.В., Киселев С.А., Трифанков Ю.Т., Трифанков Я.Ю. История и культура казачества Брянского региона и сопредельных территорий. – Брянск: БГТУ, 2012; Путь В.М. Краткая история Стародубского полка// Стародубский казачий вестник. 2004

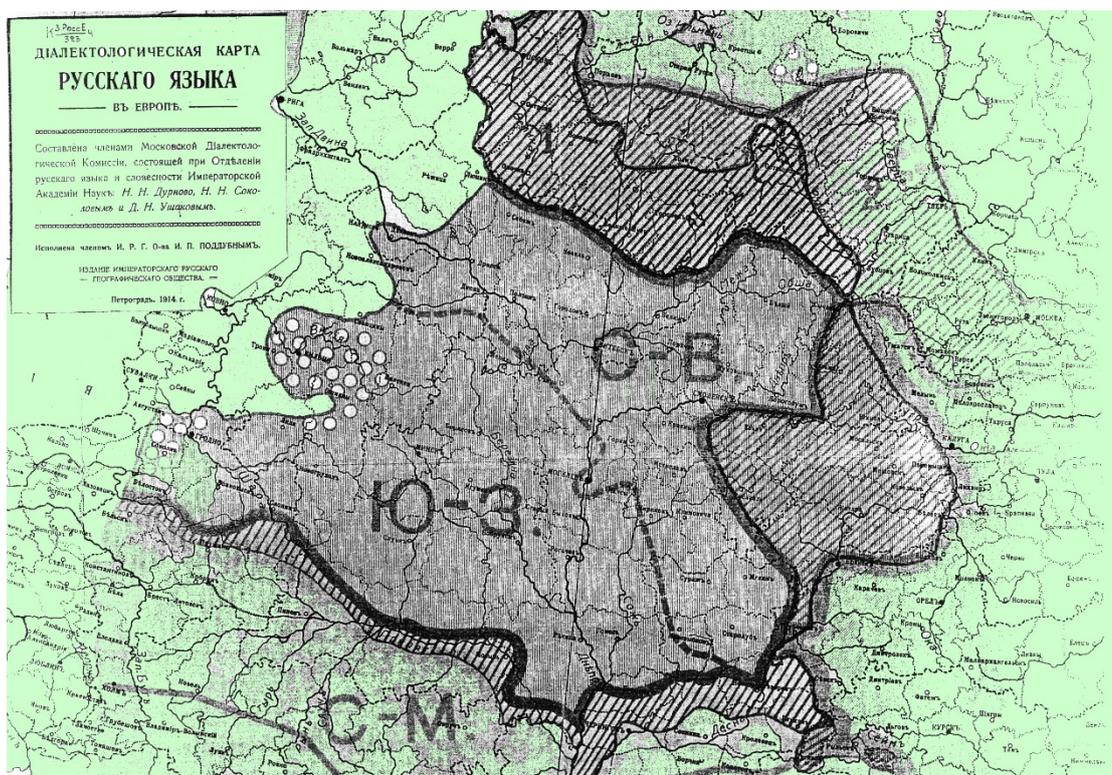
¹¹ Ушаков М.В. Описание говоров местечка Мглина Гомельской губернии и его окрестностей. // Труды постоянной комиссии по диалектологии русского языка, вып. 9. – Л., 1927.

¹² Расторгуев П. А. Говоры восточных уездов Гомельской губернии в их современном состоянии. – Минск, 1926; Расторгуев П.А. Северо-белорусский говор. Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров. – Л., 1927.

«Крестьяне в этой суровой стороне очень бедны и похожи на белорусцев, носят такие же шапки, бороды и рубашки большею частью сверх шаровар. Язык их ближе к русскому, чем малороссийский, хотя попадаются цельные чистые полонизмы. В Стародубском уезде заметил я произношение «иость» вместо «есть». Слышал я также, как в шутку крестьяне называют друг друга литовцами, Литвою. Женщины ходят так же, как в Малороссии, только цвет их исподниц и плахт большею частью темнокрасный и есть какая-то разница в очипках. А в Стародубе просто носят нитяные высокие колпаки, которые обматывают очень искусно и красиво платком. Вообще же народ хуже сложен и меньше ростом, чем в Малороссии...»

Говор нашего края можно признать, как переходный от белорусского наречия к южновеликорусскому, что подтверждает и диалектологическая карта русского языка 1914 г.

Область расселения жителей Стародубщины и их соседей, говорящих на одном диалекте, разделена на две части – северо-восточную (С-В), включающую Смоленщину и Стародубье, и юго-западную (Ю-З), включающую большую часть нынешней Белоруссии. Видно, что северо-восточная группа говоров куда, в частности, относятся Сураж, Мглин, Стародуб и Новозыбков, имеет четко очерченные восточные и западные границы и лингвистически значительно ближе к группе говоров городов Смоленщины (Мтиславль, Рославль), чем к западной части городов Брянщины (Брянск, Карачев) и Орловщины.

Диалектологическая карта русского языка центральных областей России, 1914 г.

Особое место среди исследователей своеобразия народных традиций и культуры Стародубщины занимают сочинения М.Н. Косич. Ее труды, посвященные описанию уклада жизни, быта населения нашего края, его занятий, обрядов и обычаев, его верований и песенного творчества, точны и уникальны.

Вот, к примеру, слова жительницы Рассухи из монографии Марии Косич: «Як остануся я сама сабе у дворе, да як ушибе мене охота, так уси песни перепею, так яны одна за другой и лезуть у голову, а далей, як узойде на ум вся моя горькая жисточка да бездолье, так я все пею и плачу, пею и плачу... до охоты наплачуся». Ясно, что это скорее старорусский (белорусский), чем украинский язык¹³.

Наглядно культурное своеобразие жителей края проявилось в песнях и народном фольклоре. Особенно культура крестьянского пения была распространена среди женской части местного населения. Фольклор местных деревень и сел для собирателей образцов народного творчества – это настоящий Клондайк. Свадьба, сватовство, венчание, рождение ребенка, похороны, проводы в армию, различные праздники – на каждый из этих случаев в арсенале местных крестьянок имелось множество народных песен.

Образцов таких песен сохранилось великое множество, приведем для примера одну из них.

<i>Як пайду я лугам, Мой миленький паша плугам, Панясу яму я есци, Ци ня скажа ен мне сесци, Панясу яму я пиць, Ци ня будзя гаманить, Ен наеуся и напиуся</i>	<i>Сев на плуг да й зажуриуся, Атчаго ты, мил, заплакав, Ци ты лета сваи утрацив, Ци вылезли табе вочи, Ци ты сватав мяне ноччы, Было светла запалици, У сусидзий распрасици.</i>
---	---

Песня является верным выразителем задушевных дум и надежд народа, его веселья, страданий и радостей. Ярко и наглядно это проявлялось в свадебных обрядовых песнях края. В свадебном ритуале особую роль играют обряды сватовства, смотрин, заручения (окончательное решение о дне свадьбы), девишник, обряжения невесты, венчание, поезда жениха, выкупа молодых, выпечки и деления каравая в домах невесты и жениха, многочисленные обрядовые переезды участников ритуала между домами – «в розглядь», «в придане», «на пироги», «в отгулки» и проч. Хотя свадьбу всегда называли «веселым пирком», но нигде в других обрядах жителей так не проявлялись все акты этой семейной драмы, проникнутой глубокими чувствами, более похожей на оперу-водевиль, чем на разгульное веселье.

Это хорошо выражено в одной свадебной песне, где жених говорит невесте:

<i>Я возьму тебя за правую руку, Поведу тебя к суду божьему, К суду божьему, ко злату венцу, От злата венца к себе на двор. Еще вот тебе, батюшка,</i>	<i>Вековая ключница! Еще вот тебе, матушка, Вековая платьемойница! Уж как мне ли, молодцу Вековечная молода жена!</i>
--	---

¹³ Косич М.Н. Литвины-белорусы Черниговской губернии, их быт и песни. – СПб., 1902; Косич М.Н. О постройках белорусского крестьянина Черниговской губернии, Мглинского уезда: с. Рассуха, д. Бородинка и Амелькин хутор. // Живая старина. Том XV, №1. 1906.

Свадебный обряд нашего края XVII–XIX вв. был подробно описан Лукой Дудицким, Марией Косич и Федором Батурко.

В каждом селе края было зафиксировано около 30–50 свадебных песен, сопровождающих весь свадебный ритуал. В наше время все эти многочисленные обряды во многом утрачены, но они все еще живут в народных песнях нашего самобытного края. В 2005 г. фольклорной экспедицией Академического музыкального колледжа (АМК) при Московской государственной консерватории (МГК) им. П.И. Чайковского был выпущен сборник «Покажите, люди, дорогу. Песни и обряды Брянской области в расшифровке студентов и выпускников АМК при МГК»¹⁴. Этот сборник с компакт-диском знакомит читателя с интереснейшими песнями, инструментальными наигрышами, обычаями и обрядами ряда районов области, в том числе и Мглинского. Материалы сборника и записанные песни доступны по ссылке <https://sunday-school.ucoz.ru/forum/6-535-1>.

Происхождение фамилии Ломака и первые ее упоминания в документах

Слово «familia» существовало за много веков до возникновения фамилий в современном его смысле. По происхождению своему, оно латинское и в русский язык попало в составе заимствованных слов из языков Западной Европы, где оно означало «семью», и в этом смысле было воспринято русским языком. Затем слово «фамилия» постепенно приобрело свое второе значение, как наследственное семейное именование, передающееся от родителей к детям, прибавляемое к личному имени.

В этом качестве оно стало однозначно идентифицировать некоторую целостную категорию личностей, связанных непосредственными родственными отношениями. То есть, говоря о фамилиях, мы обычно имеем в виду официально закрепленные семейные именования, которые, начиная с XVIII в. и позднее, мы видим в официальных бумагах (ревизских сказках, описях, исповедальных ведомостях, метрических книгах и т. д.).

Следовательно, фамилии в современном понимании этого слова складываются из потребности в добавочном именовании человека, из необходимости дать ему четкие координаты в обществе, более надежные и постоянные, чем дает простое двойное именование.

Первые века христианства (X–XIII вв.) на Руси в быту употреблялись языческие славянские имена, христианские (крестильные) же имена использовались лишь в церкви. Соответственно, почти у каждого русского часто

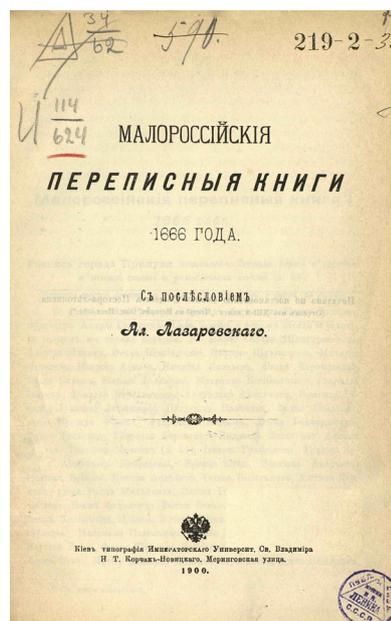
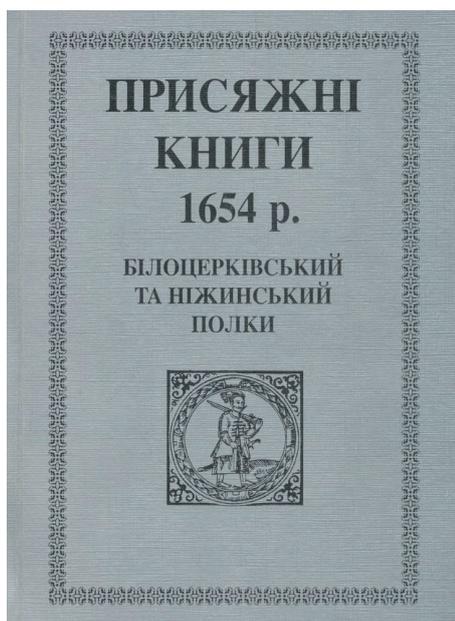
¹⁴ Покажите, люди, дорогу. Песни и обряды Брянской области в расшифровке студентов и выпускников АМК при МГК. Редакторы-составители Иванова Е. В., Корзун К. В. – М., 2005.

было два имени – крестильное и имя-прозвище (Волк, Палка, Большой и т. п.), которое могло быть самого разного происхождения.

С XIV века основным именем становится христианское, причем люди продолжали иметь прозвища, уже не традиционные, а обычно связанные с той или иной отличительной чертой человека, от них наряду с крестильными именами позже стали образовываться русские фамилии (Волков, Палкин, Большов и т. п.).

Из славянских имен сохранились в употреблении лишь те, которые носили канонизированные святые – тем самым эти имена стали даваться в крещении (Владимир, Всеволод, Борис и др.). Однако более строгая и специфическая система именования получалась путем добавления имени отца к христианскому имени или к имени-прозвищу, либо к тому и другому вместе.

В регионе Стародубщины фамилии у простых жителей появились поздно. Даже удельные князья обзавелись фамилиями только в XV веке. Основная масса фамилий Стародубщины, которые дошли до нас, появилась в XVIII в., и лишь небольшая часть в XVII в. Хотя были исключения, и некоторые, вполне вероятно, существовали и ранее, но их очень мало¹⁵. У большинства стародубских казаков даже в XVII веке фамилий в нашем значении еще не было, если они, конечно, не были какими-нибудь польскими шляхтичами.

В качестве примера здесь можно привести источники XVII в. – «Присяжные книги Белоцерковского и Нежинского полков 1654 г.»¹⁶, «Малороссійскія переписныя книги 1666 года»¹⁷, – в них практически нет

¹⁵ Буштак Ирина. Из истории происхождения фамилий. http://radimich.narod.ru/History/history_01.01.htm

¹⁶ Присяжні книги 1654 р. Білоцерківський та Ніжинський полки – Киев, 2003.

¹⁷ Малороссійскія переписныя 1666 года». – Киев, 1900. https://drevlit.ru/docs/ukraina/XVII/1660-1680/Perepisn_knigi_1666/text1.php

фамилий. Казаки записаны лишь с указанием собственного имени и имени их отца.

Реестр 1654 года показывает, что еще во второй половине XVII в. даже в официальных документах надобности в каком-то особом именовании людей не было.

Таким образом, основы современных фамилий казаков закладывались в XVI-XVII вв., когда в качестве фамилий использовались прозвища по отцу (патронимы), или личные прозвища, которые опирались на особенности характера, специфическую внешность человека, именованная по национальной принадлежности, месту жительства, или по профессии, которая для данной местности была редкой.

В допетровскую эпоху, когда необходимо было провести перепись населения, требовали, чтобы всех записали «по именем с отцы и прозвищи». Здесь слово «прозвище» в некотором смысле равнозначно современному понятию «фамилия». Традиция давать человеку индивидуальное прозвище в дополнение к имени, полученному при крещении, издревле существовала на Руси и сохранялась вплоть до XVII века.

Прозвища помогали решать проблему более точной идентификации человека, поскольку запас церковных имен был сравнительно невелик, и они часто повторялись, создавая тем самым трудности в понимании при общении между людьми. Потребность в фамилиях насущно возникает также при проведении массовых переписей населения, облагаемого различными податями¹⁸.

При этом, наиболее распространенными были так называемые патронимические фамилии, образованные от имен или прозвищ отцов или предков по мужской линии. Способ образования таких фамилий в стародубском регионе, в отличие от соседних регионов Малороссии, имел свою специфику и часто определялся лексическим материалом данной местности и морфологией диалекта языка, присущего Стародубщине¹⁹.

Ломака. Ломака Яковичь, Мозырскій крестьянинъ. 1552. Арх. VII, 1, 643. Ломака Кухмистровичъ, Чернобыльскій мѣщанинъ. 1552. Арх. VII, 1, 591. Ломака Михайловъ сынъ Шешляковъ, пушкаръ Переяславль-Рязанскій. 1639. Ак. Юр. 329. Янга Ломака, Бѣлоцерковскій казакъ. 1654. Ю. З. А. X, 785. Демко Ломака, Бѣлоцерковскій казакъ. 1654. Ю. З. А. X, 785.

Из «Словаря древнерусских личных собственных имен» Н.М. Тупикова

крестьянин, 1552 г. и Ломака Кухмистрович, чернобыльский мещанин, 1552 г.²¹

В этом же словаре даются примеры использования имени Ломака, но уже как отчества. Так, например, после присоединения в 1654 г. Малороссии к России при приведении к присяге на подданство царю Алексею Михайловичу казаков

Употребление в XVI в. имени-прозвища Ломака как собственного можно найти в «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н.М. Тупикова²⁰: Ломака Якович, мозырский

¹⁸ Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. – М., 1998; Унбегаун Б.О. Русские фамилии. – М., 1995.

¹⁹ Буцтук Ирина. Из истории происхождения фамилий. http://radimich.narod.ru/History/history_01.01.htm

²⁰ Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных имен. – СПб., 1903.

²¹ Архив Юго-Западной России: Часть 1. Том VII. – Киев, 1887.

Белоцерковского полка приведены отчества двух казаков: Янка Ломаки и Демко Ломаки²².

В процессе неоднократных переписей населения отработывался наиболее привычный, «стандартизированный» вид фамилий. В большинстве случаев перед нами имя и прозвище, иногда – имя и указание, чей это сын.

Благодаря тому, что ведение делопроизводства в русском государстве возникло рано, мы можем сейчас узнать, как звались наши предки, так как многие документы сохранились в государственных архивах России и Украины, а некоторые можно найти в открытом доступе. Достаточное количество сохранившихся документов позволяет точно выяснить, кто является родоначальником той или иной фамилии.

Фамилия Ломака (варианты написания в различных актах и документах, в частности, в исповедальных ведомостях, Румянцевской описи и ревизских сказках – Ломко, Ломки, Лома, Ломако, Ломка, Ломакин, Ломаченок) принадлежит к древнему типу славянских семейных именовании, образованных от личных прозвищ.

Изначальные упоминания фамилии Ломака можно увидеть в реестре жителей Древней Руси в период царствования Ивана Грозного. У правителя хранился особенный список привилегированных и красивых фамилий, которые давались придворным в случае особого расположения или поощрения. Вследствие чего указанная фамилия донесла свое первоначальное происхождение и является редкой. В известных значимых древних данных носители этой фамилии являлись знатными персонами из русского тульского дворянства, имеющих в XVII–XVIII веках в своем распоряжении большую власть и почести.

Подобные фамилии-прозвища были отмечены и в других документах XVI–XVII веков. Так, например, в Новгороде был известен крестьянин Ломак (1545), в Твери жил Андрей Васильевич Ломаков (1540). Григорей Ломака и Осип

²² Акты Юго-Западной России. Том X. – СПб., 1878.

(Иосиф) Ломакин имели в с. Алексинцы (ныне Прилукский район Черниговской области) «мещанские дворы первой стати»²³.

Эти примеры показывают, что фамилия Ломака имеет очень древнее происхождение. В течении XVII-XIX столетий она закрепились в качестве фамилии и оставалась без изменений вплоть до XX века, когда оно подверглось трансформации с Ломака на Ломако.

Возможно фамилия Ломака восходит к личному прозвищу дальнего предка, образованному от слов «ломать», «ломаться» с помощью суффикса –ка, характерного для малороссийских и белорусских прозвищ. Но иногда фамилией становилось имя или прозвище отца, не оформляемое фамильным суффиксом. Это было характерно для самых ранних времен возникновения фамилий, когда традиционные фамильные суффиксы еще не оформились. Для малорусских и белорусских фамилий, которые начали образовываться столетием раньше русских, например, образование семейных именованных без оформления каким-то специальным суффиксом было частым явлением. Примером такого явления, очевидно, служит фамилия Ломака.

Возможно несколько семантических гипотез о происхождении данной фамилии. Одна из них связана с тем, что в лексике древнерусских говоров словом «ломака» называли того, кто «ломается», то есть долго с чем-то не соглашается, или все время раздумывает. Такого человека на всякое дело нужно было долго уговаривать. При данном толковании фамилия связана с проявлением таких качеств, как борьба, лидерство, умение постоять за себя.

Ломака не поддается влиянию и отличается повышенным стремлением к справедливости и к тому, чтобы все было правильно, красиво, и чтобы жизнь была практически идеальной. Обладателя этой фамилии непросто заставить делать то, чего он сам не хочет – он всегда будет добиваться поставленных целей, хотя в некоторых случаях с легкостью меняет направление и ведет себя совсем иначе, чем всегда.

Иногда такой человек и сам не знает, что ему нужно, и свой жизненный путь к успеху выбирает путем проб и ошибок, постоянного недовольства собой и своими достижениями.

Прозвище «ломака» давалось в надежде, что оно, наоборот, избавит от колебаний и сомнений при принятии решений, придаст уверенности в себе, смелости и решительности, выполняя роль имени-оберега

Вторая гипотеза происхождения фамилии Ломака может быть связана с тем, что в диалекте русского языка Стародубщины слово «ломака» употреблялось также в значении палки, отломанной от некоторого дерева. Тогда «ломака» применительно к человеку означало, что это рослый человек с горделивой прямой осанкой, про которого более низкорослые товарищи говорили – «длинный (прямой) как палка».

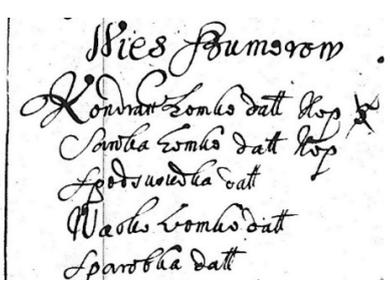
²³ Малороссийские переписные книги 1666 года. – Киев, 1900.

По третьей гипотезе, семейное имя Ломака относится к распространенному типу древнейших русских фамилий, указывающих на сферу профессиональной деятельности одного из предков. В малороссийском языке слово «ломать» часто использовалось в словосочетаниях «ломать рыбу» и «ломать сети». Следовательно, «ломакой» могли прозвать увлеченного рыбака, который целыми днями «ломал сети».

В период польского владения Северщиной (1618 – 1654) село Шумарово находилось под властью троцкого воеводы Николая Абрамовича. Для целей учета поступающих от населения доходов по его указанию в 1650 г. был составлен так называемый «Инвентарь Мглина»²⁴, а затем к нему был добавлен «Инвентарь волости Мглина»,²⁵ записанный в ноябре 1651 г. уже после смерти Н. Абрамовича. Эти два инвентаря, сшитые в одну тетрадку, хранятся в Главном архиве древних актов (AGAD – Archiwum glowny Akt Dawnych) в Варшаве, в фонде Потоцких из Радзина, сигнатура (дело) 371.

Впервые опубликованный на страницах сайта Мглинский край «Инвентарь Мглина» является самым древним документом, содержащим социально-экономическое описание г. Мглина и его волости, которое дает достаточно полное представление о хозяйственном положении края по состоянию на середину XVII века. Очень важно, что «Инвентарь волости Мглина» содержит не только точный список населенных пунктов волости, но и включает поименный перечень всех домовладельцев соответствующего поселения, а также данные об их финансово-экономическом состоянии.

Таблица 1.1. Фрагмент Инвентаря Мглина

Первая страница рукописи «Инвентаря Мглина», 1650 г.	Начало страницы «Инвентаря волости Мглина 1651»	Начало страницы «Инвентаря волости Мглина 1651»	Начало страницы «Инвентаря волости Мглина 1651»
		1. Кондрат Ломко дал коп	2. Савка Ломко дал коп. С подсосудка дал
		3. Васько Ломко дал. С паробка дал	

В это время в Шумарово насчитывалось 36 дворов, среди которых мы видим трех домовладельцев веси «Шумором» с патронимом Ломко – Кондрат, Сомко и Васько (Таблица 1.1). Вполне вероятно, что фамилия Ломака происходит от имени этого общего предка, которого звали Ломко, или, вообще, можно допустить, что все трое носили фамилию Ломака, а при переписывании была допущена, как это часто бывало, ошибка.

Впрочем, в другом историческом документе того времени «Присяжные книги Белоцерковского и Нежинского полков 1654 г.»²⁶, расшифровка которого

²⁴ Инвентарь Мглина 1650. AGAD, ф. Потоцких из Радзина, д. 371. <http://www.mglin-krai.ru/malorossiya/326-inventar-mglina-1650-g>.

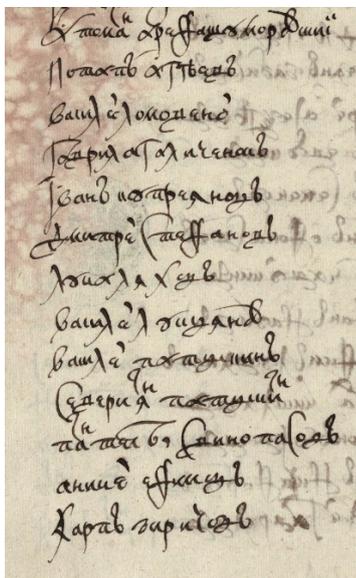
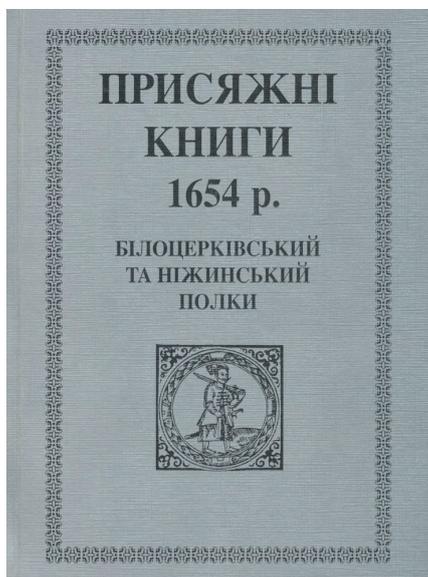
²⁵ Инвентарь волости Мглина 1651. AGAD, ф. Потоцких из Радзина, д. 371. <http://www.mglin-krai.ru/malorossiya/328-list-20>.

²⁶ РГАДА, Ф.124 Малороссийские дела, оп.1, 1654, №3.

опублікована в книзі «Присяжні книги 1654 р. Білоцерківський та Ніжинський полки» згадується о казаках Ломко или Ломака Шмаровского куреня мы не находим (Таблица 1.2)²⁷. Однако в составе куреня указан Василий Ломовеко.

Таблица 1.2. Фрагмент из Присяжні книги 1654 р. Білоцерківський та Ніжинський полки

Казаки Шумаровского куреня в 1654 г.

1. Атоман Арефа Шуморовский
2. Потап Агеев;
3. Василей Ломовеко;
4. Гаврила Галиченко;
5. Иван Купреянов;
6. Дмитрий Стефанов;
7. Лука Ляхов;
8. Василей Лукьянов;
9. Василей Патыкин;
10. Северин Патыкин;
11. Пантелей Свинопасов;
12. Аникей Ефимов;
13. Карп Биричов;
14. Василей Понтелеев;
15. Никифор Гамков;
16. Викула Лизуненко

В Малороссии некоторые представители рода Ломаки занимали весьма высокое положение в Стародубском полку. В книге В.В Кривошеи «Козацька старшина Гетьманщини» приводятся сведения о восьми казаках по фамилии Ломака – Архипе, Степане, Григории, Иване, Иосифе, Моисее, Никифоре и Саве²⁸.

Во времена Гетманщины они относились к казацкой элите Стародубского полка, имея звания войсковых, знатных и значковых товарищей. Такие казаки могли претендовать на ведущие должности в военно-административных органах власти Стародубского полка Войска Запорожского. Им принадлежали ключевые позиции в социально-экономической жизни полка. Постепенно они также присваивали себе права и привилегии шляхты, считали себя социальной элитой малороссийского общества.

Значный войсковой товарищ, шляхтич Архип Ломака вначале XVIII в. вблизи Стародуба поселил с. Ломаковку, где вместе с братом Степаном Леоновым имел 11 дворов подсоседков и 19 хат бобылей. Впоследствии наследники Архипа Ломаки продали Ломаковку Рубцам. Архип по позволению стародубского полковника Лукьяна Жоравки в окрестности с. Курковичи поселил также х. Гримячка, построил там греблю и млин. Устроив хутор, Архип продал его в 1718 г. знатному товарищу Степану Коссовичу.

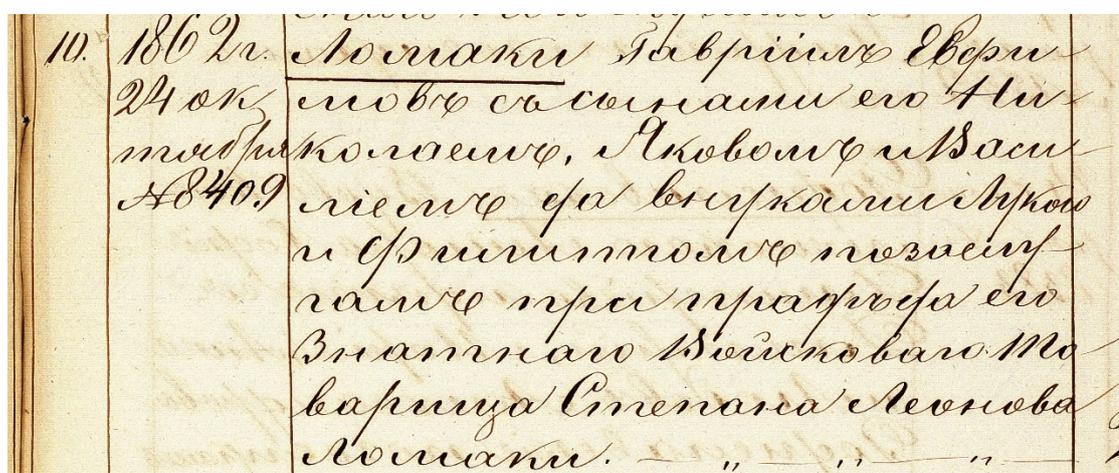
²⁷ Присяжні книги 1654 р. Білоцерківський та Ніжинський полки – Киев, 2003.

²⁸ Кривошея В.В. Козацька старшина Гетьманщини. – Киев, 2010.

Иона Курносый в «Истории о бегствующем священстве»²⁹ при изложении событий 1667 года о преследовании раскольников рассказывает, что стародубский полковник Скородумов Гаврила Иванович, укрывая бегущих из Москвы раскольников, послал их к Курковскому атаману Ломаке, приказывая «отвесть им для житья место, называемое Понуровкой».

После ликвидации Гетманщины Указом Правительственного сената № 8409 от 24 октября 1862 г. потомки знатного войскового товарища Степана Леонова Ломаки были приравнены к дворянскому сословию³⁰. Потомки Степана Ломаки жили в с. Курковичи.

Из исповедных ведомостей и ревизских сказок известно, что в селах Курковичи и Шумарово Стародубского полка проживало довольно много жителей, носивших фамилию Ломака.

Выписка из Указа Правительственного Сената о причислении потомков Степана Леонова к дворянству.

Ранняя история с. Шумарова и д. Рудня Шумаровская

Село Шумарово расположено при речке Воронусе, в 8 км к северо-востоку от Мглина. Впервые «Шюмором земля» упоминается в привилее литовского князя Казимира IV от 28 февраля 1457 г.³¹, которым он подтверждает пожалование данной земли литовским канцлером (вероятно Михаилом Кезгайла) двум своим боярам – «отчичам» Ивану и Александру Романовым. В это время на «Шюморомской» земле располагались лишь два крестьянских двора. Таким образом, дата 28 февраля 1457 г. может считаться днем основания с. Шумарово³².

Здесь, во избежание путаницы, необходимо сказать, что в Мглинском уезде на р. Усе было основано еще одно село с тем же названием Шуморово и в нем

²⁹ Иона Курносый. История о бегствующем священстве. // Есипов, Г. В. Раскольничьи дела XVIII столетия. Том 2 – СПб., 1861–1863.

³⁰ РГИА ф. 1343, оп. 51, л. 673, л. 408; Милорадович Г.А. Родословная книга Черниговского дворянства, т.1-2. – СПб., 1901.

³¹ Русская историческая библиотека. Т.27. Литовская метрика. Книга записей. Том первый. – СПб, 1910

³² Ломако Е.И. Страницы ранней истории древнейших поселений Мглинской сотни // Сайт Мглинский край. <http://www.mglin-krai.ru/malorossiya/335-stranitsy-rannej-istorii-drevnejshikh-poselenij-mglinskoj-sotni>

также была церковь Св. Георгия. Интересно также, что и это село указывается в привилее литовского князя Казимира IV от 28 февраля 1457 г., но уже как находящееся вблизи Почепа³³. При поиске и исследовании конкретных фактов и событий такая двойственность требует определенной внимательности, чтобы избежать возможных недоразумений.

Игнорирование данного факта, как мы видели на примере исповедных ведомостей 1747 и 1761 гг., приводит даже архивистов к неверной датировке документов и их размещению по разным делам фондов архива.

Филарет (Гумилевский) позднее указывает, что в межевом акте 1627 г. Шумарово упомянуто как село с храмом Святого Георгия. Возможно, что в это время поселение уже существовало как крепость на Церковной горе, где располагался храм Святого Георгия. Известно также, что в 1659 и 1662 гг. шумаровскому священнику Григорию Козминичу проданы пахотная земля и усадьба с жилым двором. В 1747 г. храм сгорел по небрежности причта.

Общий вид с. Шумарово, 2010 г.

³³ Русская историческая библиотека. Т.27. Литовская метрика. Книга записей. Том первый.— СПб, 1910. Стр. 49.

Озеро на ручье Ржавец с. Шумарово. Слева сверху виднеется д. Рудня Шумаровская

В период польского владения Северщиной (1618 – 1654) село с 1634 г. находилось под властью троцкого воеводы Николая Абрамовича. В это время в Шумарово насчитывалось 36 дворов, владельцами которых были³⁴:

Кондрат Ломко (Kondrat Lomko), Савка Ломко (Sawkas Lomko), Васька Ломко (Wasko Lomko), Гаврила Бирюч (Hawrylo Biryucz), Оникей Комков (Onikiey Komkow), Тихон? Лашонек Ланник (Сіон Laszonek Lannik), Орзах (Orzr), Панинич (Panieni), Северьян Потыха (Seweryn Potyha), Васька Потыха (Wasko Potyha), Васька Журков (Wasko Jurciew), Тришка Точан умер (Truszek Toczan pomar), Давид Бабичов (Dawid Babiczow), Васька Левин (Wasko Luwin), Лука Лаптенек (Lucko Lapconek), Савка Стеков (Sawka Steckow), Иван Петруха (Iwan Petryha), Тимох Бузов умер (Сімо Buzow pomar), Максим Гаврило (Maxim Hawrylo), Никита Талонек умер (Mikita Talonek pomar), Сергей Петруха (Sierhiey Petryha), Лахута Петруха (Lahuta Petryha), Игнат Петруха (Ihnat Petryha), Потап (Potap), Иван Якимов (Iwan Jakimow), Марк Комко (Marko Komko), Савка Комко (Sawko Komko), Оникей Комко (Onikiez Komko), Клишко Коваль (Kliszko Kowal), Гришка (Hrzszyko ododzacz), Корней Бирючонек (Korniey Biryuczonek), Кирил (Kirylo), Андрей Колесник (Andriey Kolesnik), Гаврила Бирюч (Hawrylo Biryucz), Сенька Гаючонко умер (Senko Hayszonko), Сидор умер (Sidora po smierci).

Когда в 1723 г. была проведена первая перепись Малороссии, то в с. Шумарово было зарегистрировано 22 казацких двора и 4 двора крестьян³⁵. А из исповедных ведомостей 1747 (1738) и 1761 (1738) следует, что в 1738 г. в селе было 11 казацких, 7 стрелецких и 14 дворов поселян. Таким образом, в течение 15 лет наблюдается значительный рост дворов села: за этот период число переселенцев

³⁴ Инвентарь волости Мглина 1651. AGAD, ф. Потоцких из Радзина, д. 371.// Сайт Мглинский край. <http://www.mglin-krai.ru/malorossiya/328-list-20>.

³⁵ Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Т. I. Стародубский полк. Издание второе // Под общей ред. О.Р. Вязьмитина – Белые Берега: Группа компаний «Десяточка», 2008.

в селе увеличилось на 10 семей. Как станет ясно из дальнейшего, одним из первых таких переселенцев был казак Иосиф Ломака, приносивший вместе со своим сыном Иваном присягу цесаревичу Петру Петровичу в 1718 г.

Согласно Румянцевской описи в 1767 г. жилыми дворами в селе владели священники Георгиевской церкви Иван Козминский и Филипп Покуневич. Последнее деревянное здание храма было построено в 1889 г. Церковь была сожжена немцами при их отступлении из села в 1943 г.

Во время национально-освободительной войны против поляков и в последующие несколько десятилетий почти все крестьяне села записались в казаки, так как принадлежность к казацкому сословию обеспечивала личную свободу, а за несение военной службы казаки наделялись землей и освобождались от налогов.

Ниже Шумарова в 50-х годах XVII века на Воронусе была построена гребля и млин (мельница), принадлежавшие пану Ивану Есимонтовскому. В 1663 году полковником Стародубского полка стал Петр Рославец. Пользуясь неограниченной властью в полку, он отнял млин у Есимонтовского. А на гребле устроил железный завод (рудню) и рядом основал поселение. Рядом с заводом основал слободу рудников, которая и стало называться Рудня Шумаровская.

В поданной шумаровцами жалобе гетману Апостолу рассказана ранняя история села времени Гетманщины.

«Мы, казаки, стрельцы и мужики села Шумарова, супплекуем ... в том, что когда Иван Есимонтовский в прошлых годах уфондовал млин на реце Воронице, ниже села нашего, прежде полковничества Петра Рославца, и оным млином владел килко лет, тогда нам шкоды жадной от того занятя не було; когда ж Петро Рославец зоставши полковником стародубовским, не ведая яких ради причин, оний млин у помянутого Есимонтовского отнял и своей греблею затопил и на оной рудню устроил, тогда на поселение рудником, немало у нас грунту отнял; также и тим отнятем стиснил нас велми, а барзей як достался Почеп во владение князю Меншикову, куда и означенная рудня досталась ...

Да за Ивана Белозерецкого, дозорцы Почеповского, оние ж рудники отняли наших сенних покосов воз на 150, лежачих над речкою Вороницею; о которых своих отнятых пожнях, били челом того времени Белозерецкому и по тому нашему челобитью, прислал от себе на розиск неякогось Михайловского и тот посланный в самую сущую правду рассмотрел; еднак же окончания розиску не учинено за скорим нашествием шведским и за отданнем Почепу во владение князю Меншикову...»³⁶.

³⁶ Генеральное следствие о маестностях Стародубского полку (1729-1730). – К., 1929.

В лес за грибами через Рудню Шумаровскую, 1966 г.

Впереди – Ломако Григорий Варфоломеевич; слева – направо: приемная дочь Григория Надя и его жена Ида, моя жена Ломако Галина Александровна и мой младший брат Николай. .

После ссылки Петра Рославца в 1667 г. в Сибирь, все слободы, поселенные им, гетман Самойлович присоединил к полковым имениям. Очевидно, и Рудня Шумаровская вместе с железным заводом стала войсковой собственностью, что видно из универсала гетмана Скоропадского от 17 декабря 1708 года, в котором Рудня на речуе Воронусе названа «войсковой Шумаровской».

В 1709 г. А.Д. Меньшиков за заслуги в Полтавской битве получил от Петра I в качестве подарка г. Почеп вместе с Почепской волостью, ранее считавшимися гетманским владением. Границы этого подарка «светлейший князь», путем манипуляций с межеванием и «округдением» границ своих почепских владений, последовательно расширял, присоединяя земли соседних областей. В результате к 1720 г. ему удалось значительно увеличить свои владения, захватив земли Мглинской, Бакланской и части Стародубской и Погарской сотен. Подаренные и захваченные земля фактически стали удельным княжеством Ментшикова во главе с выстроенным на этих землях городом Александрополем. В черте границ этого «удельного княжества» оказалась и Рудня Шумаровская вместе с железным заводом и мельницей Ивана Есимонтовского.

В «Книге отдаточной маетностям³⁷ городу Почепу и Почеповскому уезду, что имеет быть князя Меншикова», составленной в 1727 году, Рудня Шумаровская описана так: «Во Мглинском же уезде, вниз села Шуморова, слобода Рудня, плотина на р. Воронусе. На той плотине железный завод и мельничный амбар о двух камнях мучных. Вальня о двух ступах. При том заводе двор один»³⁸.

³⁷ Маетность – это населенный пункт или несколько крестьянских домов в нем, принадлежащих одному владельцу.

³⁸ Федоренко П.А. Рудни Левобережной Украины в XVII-XVIII вв. – М., 1960.

Так ниже Шумарова возникла деревня Рудня Шумаровская. Из «Книги присяг малороссийских полков 1731 г. Мглинской сотни» известно, что в это время рудниками на этом железном заводе работали Петро Демидов и Петро Прибыш.

В списке руден 1747 г. Рудня Шумаровская показана как действующее предприятие за Почепской канцелярией, но уже в Румянцевской описи (1767) речь идет только о деревне соответствующего названия. До 1781 г. Рудня входила в Мглинскую сотню Стародубского полка, казачьего населения не имела. Непосредственно в с. Шумарово промышленных предприятий не было. Жители села занимались земледелием, бортничеством и охотой в окружающих лесах.

Иосиф – прародитель казацкого рода Ломаки с. Шумарова

Первые достоверные упоминания о малороссийских казаках Ломаках с. Шумарова мы встречаем в документе 1718 года «Присяга Стародубовского полку духовных и светских жителей в верности наследнику царевичу Петру Петровичу. Реестр полку стародубовского сотни мглинской сколко обрится товариства».

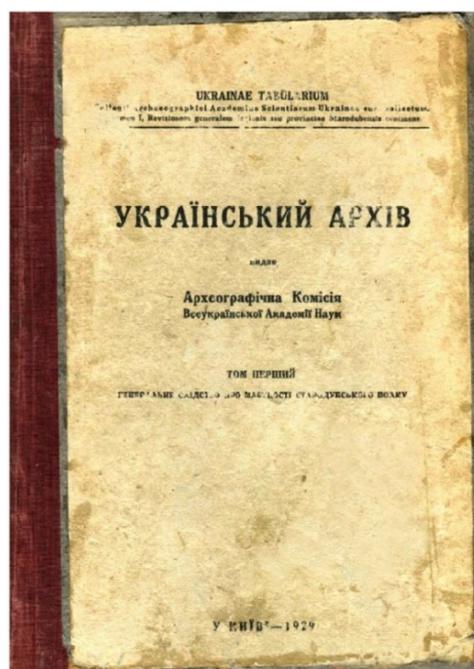
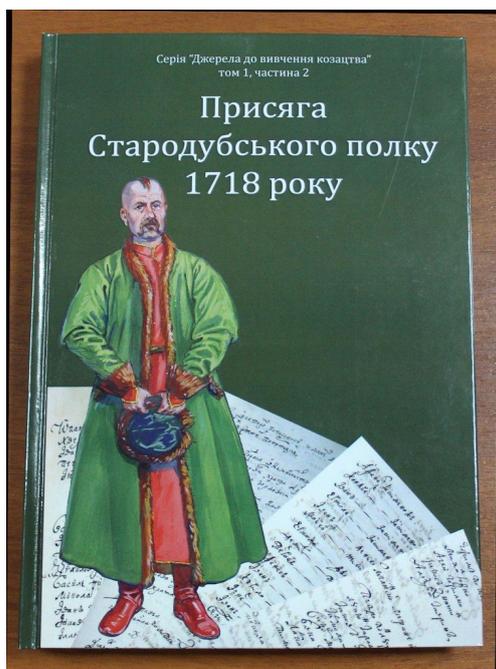
Этот исторический документ хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА)³⁹. Он содержит списки 8250 стародубцев, которые присягнули царевичу Петру как потомку Петра I и клялись не помогать царевичу Алексею. В 2017 г. в серии «Источники к изучению казачества» была издана книга «Присяга Стародубьского полку 1718 року» (издатель В. Н. Лозовой)⁴⁰. В книге видим представителей полковой и сотенной старшины, атаманов, военных музыкантов, пушкарей, казаков, мещан, посполитых и духовенства всех сотен Стародубского полка, кроме Почепской, которая была отдана Петром I своему фавориту А.Д. Меншикову вместе с казаками. Из книги можно узнать про названия населенных пунктов и церквей Стародубского полка – крупнейшей административной единицы Малороссии.

Издание имеет два вступительных очерка, которые знакомят читателей со Стародубским краем и его элитой в составе Войска Запорожского. Именной и географический указатели дают возможность быстрого поиска персоналий или населенных пунктов, а карта полка по состоянию на 1718 г. позволяет ориентироваться в сотенных границах.

В этом документе среди других казаков Шумаровского куреня Мглинской сотни, дающих присягу цесаревичу Петру, указаны два казака – Иосип (Иосиф) и Иван Ломаки (Таблица 1.3). Из дальнейшего исследования генеалогии казаков Ломак следует, что они были поселянами села.

³⁹ РГАДА, Ф.140 оп.1 д.34, 1718 г.

⁴⁰ Присяга Стародубьского полку 1718 року. – К., 2017.

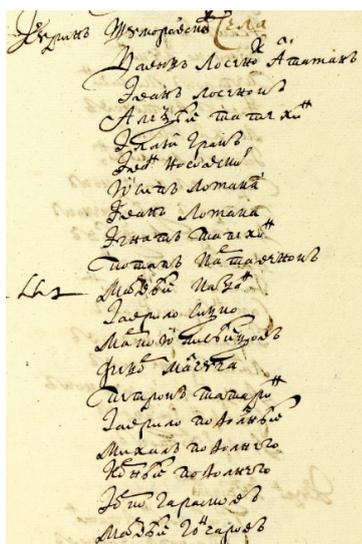

Генеральное следствие о маетностях Стародубского полку (1729-1730)

После присоединения Малороссии к России поселянами до конца XVIII века называли лично свободных казаков и крестьян, переселенных на новые территории, освободившиеся от власти Речи Посполитой в рамках государственного плана. Поэтому наиболее вероятно, что Иосиф и Иван Ломаки были после событий 1654 года поселены на свободные от польских шляхтичей земли. И это объясняет, почему не удалось установить непосредственное родство Иосифа и Ивана Ломак с одним из трех жителей с. Шумарово, отмеченных в «Инвентаре Мглина» как Ломко.

Таблица 1.3. Фрагмент присяг Стародубского полка 1718 г.

Куринь Шуморовского села

Казаки Шумаровского куреня

1. Давыд Лосенок атаман
2. Иван Лосенок
3. Алексей Тапехин
4. Илья Грач
5. Иван Носовский
6. Иосип Ломака
7. Иоан Ломака
8. Игнат Тапехин
9. Потан Картавенко
10. Матвий Кабан
11. Гаврило Сицко
12. Марко Олнсийцов
13. Федор Малчуга
14. Петрок Татарин
15. Гаврило Подолный
16. Михаил Подолного
17. Корний Подолного
18. Юрко Гарасков
19. Матвий Гончаров

Из книги «Генеральное следствие о маетностях Стародубского полку» известно, что в 1723 г. в с. Шумарово было только 22 казацких двора⁴¹. Поэтому

⁴¹ Генеральное следствие о маетностях Стародубского полку (1729-1730). – К., 1929.

Иван и Иосиф Ломаки, очевидно, родственники. Однако остается важнейший вопрос: в каком родстве они состояли?

Ответ на данный вопрос мы получаем из «Исповедной ведомости Георгиевской церкви 1747 (1738) года»⁴², которая позволяет установить (Таблица 1.4), что домовладельцем двора № 21 в 1738 г. числился поселянин Иоан (Иван) Иосифов Ломака (* 1669 – † после 1738).

(Здесь и далее символы «*» и «†» указывают на даты рождения и смерти соответствующего лица, известные нам из документальных источников. Эти даты приводятся так, как они записаны в исповедных ведомостях, хотя часто в разных ведомостях для одних и тех же лиц они не совпадают).

Из ведомости 1747 (1738) следует, что Иосиф является отцом Ивана, вместе с которым он, вероятно, и был переселен на земли с. Шумарова, как указано выше. На момент принятия присяги Ивану исполнилось 49 лет, а так как его отец Иосиф в исповедной ведомости отсутствует, то, очевидно, он к этому времени умер и домовладельцем стал его сын Иван. Таким образом, Иосиф Ломака, родившийся около 1650 г., является родоначальником малороссийских казаков Ломак с. Шумарова.

Таблица 1.4. Исповедная ведомость 1747 (1738) г.

Двор № 21 поселянина Ивана Иосифова Ломаки				Двор № 21 поселянина Ивана Иосифова Ломаки			
№		Поселяне и их домашние	Лет	№		Поселяне и их домашние	Лет
21	130	Иоанн Иосифов Ломака	69	130		Иоан Иосифов Ломака	69
	110	Жена его Агафия Иванова	60	110		Жена его Агафия Иванова	60
		Дети их				Дети их	
	131	Евфимий	26	131		Евфимий	26
	111	Жена его Уляна Силина	24	111		Жена его Уляна Силина	24
	132	Сын их Моисей	4	132		Сын их Моисей	4
	133	Ермолай Иванов	24	133		Ермолай Иванов	24
	112	Жена его Христина Григориева	22	112		Жена его Христина Григориева	22
	113	Дочь их Мокрида	3	113		Дочь их Мокрида	3
	134	Фома Иванов	22	134		Фома Иванов	22
	114	Жена его Еф[р]осиния Иванова	20	114		Жена его Еф[р]осиния Иванова	20

В 1756 г. главой двора Ивана (Таблица 1.5) указывается его старший сын Евфим (* 1712 – † до 1759). Это значит, что до 1756 г. Иван Иосифов не дожил. Из ведомости 1756 г. мы также узнаем, что семья Евфима объединилась с семьями его двоюродных братьев Онисима (* 1716 – † до 1779) и Павла (* 1719 – † до 1792) Федоровых и они стали жить одним двором. Из этой записи следует, что отец Евфима, Иван, и отец Онисима и Павла, Федор, – родные братья, а отцом Ивана и Федора является Иосиф⁴³.

Самые первые сведения о Евфиме Иванове Ломака мы получаем из «Книги присяг малороссийских полков Мглинской сотни Стародубского полка от 1731 г. (Таблица 1.6)⁴⁴. В 1731 г. Евфиму исполнилось 20 лет. Можно полагать, что уже изначально родные братья Иван и Федор жили рядом на Ломаковке с. Шумарово, а близкие по возрасту Евфим и Онисим (разница всего лишь в четыре года) были

⁴² ГАЧО, ф. 679, о. 1, д. 309, л. 7, 1747 (1738)..

⁴³ ГАЧО, ф. 679, о. 1, д. 384, л. 68, 1756.

⁴⁴ Книга присяг малороссийских полков. РГАДА, Ф.248, оп. 102, д. 8250, 1731.

дружны, что и стало естественной причиной объединения дворов, доставшихся им в наследство от их отцов – Ивана и Федора.

Таблица 1.5. Исповедная ведомость 1756 г.

Двор № 25 Ефима Иванова Ломакина			Двор № 25 Ефима Иванова Ломакина		
№	Поселяне и их домашние	Лет	№	Поселяне и их домашние	Лет
210	Евфимъ Ивановъ сынъ Ломакина	46	210	Евфим Иванов с[ы]н Ломакин	46
211	Жена его Ульяна Силаина	42	211	Жена его Ульяна Силаина	42
211	Дети их:		211	Мокей	22
212	Анна	16	212	Анна	16
213	Марія	10	213	Мария	10
214	Агафія	6	214	Агафия	6
212	Братъ Евфимовъ роднойъ дотца Фома	38	212	Брат Евфимов родный Фома Иванов	38
215	Жена его Евфросинія Иоаннова	37	215	Жена его Евфросиния Иоаннова дочь	37
213	Дети их:		213	Лазарь	4
214	Семенъ	3	214	Семен	3
216	Анелина	16	216	Анелина	16
215	Братаничъ ихъ Олимпій Ермолаевъ	14	215	Братанич их Олимпий Ермолаев	14
216	Вышписанного Евфима двоюродный братъ	45	216	Вышписанного Евфима двоюродный брат вне двора жительствующий	45
217	Жена его Матрена Иоаннова	43	217	Жена его Матрена Иоаннова	43
217	Дети их:		217	Фома	19
218	Леонтій	13	218	Леонтий	13
219	Иосифъ	9	219	Иосиф	9
220	Иоаннъ	4	220	Иоанн	4
218	Фомина жена Марія Семенова	20	218	Фомина жена Мария Семенова	20
221	Вышписанного Онисима братъ роднойъ Павелъ	42	221	Вышписанного Онисима брат родный Павел	42
219	Жена его Пелагія Андреева	36	219	Жена его Пелагия Андреева	36
222	Дети их:		222	Иоан	14
223	Григорій	10	223	Григорий	10
224	Трофимъ	6	224	Трофим	6
220	Марія	12	220	Мария	12
221	Иоаннова жена Адарія Моисеева	15	221	Иоаннова жена Адария Моисеева	15
222	Вдовствующая сестра ихъ Агафія Федорова	49	222	Вдовствующая сестра их Агафия Федорова	49
225	Дети ее:		225	Онуфрий	19
226	Иоан	18	226	Иоан	18
227	Евтихий	8	227	Евтихий	8
228	Мокей	2	228	Мокей	2

Еще одно подтверждение о жителях с. Шумарова Иване и Федоре Ломаках мы находим в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). В АВПРИ осуществлена оцифровка «Книги переписной города Чернигова и уезда обывателям поименно. 1721 г.», которая находится в открытом доступе сети Интернет⁴⁵.

Перепись 1721 г. – ценный документальный источник для исследователей, интересующихся генеалогией и историей своих предков. Информация о населенных пунктах Мглинской сотни, которые удалось расшифровать, включает: Мглин – л. 301, д. Чешуйки – л. 303 об, слоб. Киселевка, с. Шумарово – л. 304, д. Кишти, слоб. Молодьков, д. Санники – л. 304 об, с. Осколково – л. 305, 305 об, д. Велюханы, д. Ветлевка – л. 306, с. (?), с. Семки – л. 306 об, слобода Хуторская?, слоб. Старая Романовка – л. 307 об, Симонтовка – л. 308, слоб. Симонтовская Буда, слоб. Писаревка – л. 308 об, с.

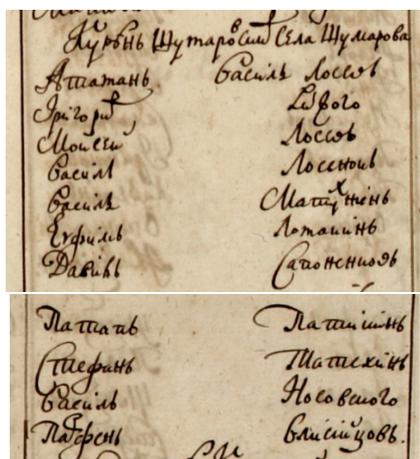
⁴⁵ АВПРИ Ф. 124 Малороссийские дела, оп. 1, л. 62, 437 л, 1721.

Высокое – л. 309, слоб. Павловка, слободка Пески, с. Шеверды, с. Костеничи – л. 309 об, слоб. Красновичи, д. Великая Дуброва – л. 310, с. Лопазна – л. 310 об, хут. сотника Мглинского, с. Ляличи – л. 311, д. Улазовичи, д. Александровка. с. Душатин – л. 312, с. Суражичи – л. 312 об. Сведения о жителях этих поселений, доступна по ссылке [Часть IV \(л.300-437\).pdf](#).

Таблица 1.6. Фрагмент присяг Стародубского полка 1731 г.

Курень Шуморовский

Курень Шумаровский села Шумарова

атаман Василь Лосев
 Григорий Рыжого
 Моисей Лосев
 Василь Лосенок
 Василь Матухнин
 Евфим Ломачин
 Давид Сапоненков
 Патап Патикин
 Стефан Матехин
 Василь Носовского
 Парфен Олисийцов

Рукопись содержит имена жителей и сведения о количестве дворов в населенных пунктах Стародубского и Черниговского полков, предназначенных по указу императора Петра I для расквартирования частей Мекленбургского корпуса.

Подписанию Петром I этого указа предшествовали следующие события. 8 апреля 1716 г. в период Северной войны (1700-1721) между Петром I и герцогом Мекленбур-Шверинским Карлом-Леопольдом был заключен Союзный договор о безвозмездной военной помощи в случае вторжения иностранных войск на территорию герцогства. В связи с обострением международной ситуации и угрозой военного конфликта с европейскими государствами, подписавшими 5 января 1719 г. в Вене союзный договор против России, в марте 1719 г. Петр I принял решение о выведении «мекленбургского корпуса», включая русский контингент в Россию.

Остатки герцогской армии (около 700 человек из различных частей мекленбургских полков) были сведены в один пехотный полк и направлены для расквартирования в Чернигове, где для их размещения была проведена поименная перепись дворов.

В «Переписной книге Черниговских сел и деревень для занятия во оных квартир мекленбургскому корпусу, 1721 г.» на листе 304 перечислены 20 дворов, с. Шумарово, предназначенных для размещения контингента мекленбургского полка. Среди казаков, предоставивших жилье для воинов макленбургского корпуса, 16-м в списке указан двор Ивана Ломакина и 19-м – его брата Федора Ломакина (Таблица 1.7). Однако двор их отца Иосифа (* ок. 1650) отсутствует, возможно, потому, что к этому времени Иосиф уже умер, ведь в 1721 г. ему было бы более 70 лет. Очевидно, что запись Ивана и Федора под фамилией Ломакины – это лишь изменение фамилии Ломака, которая ранее использовалась в документе 1718 г.

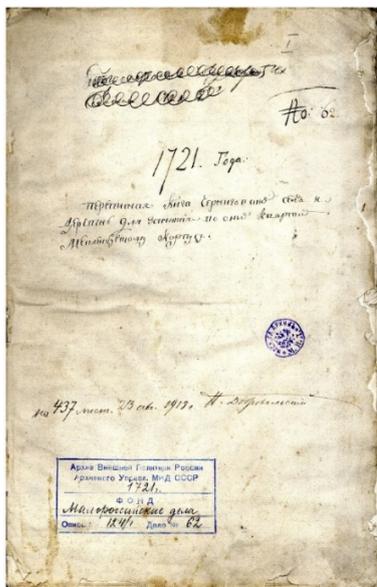
Таким образом, нам достоверно известно, что Иван (* 1667 – † до 1756) и Федор (* ок. 1670 – † до 1738), которым в 1721 г. исполнилось более 50 лет, были еще живы и оставались главами своих дворов. Потомки Ивана и Федора в дальнейшем образовали две известные нам ветви малороссийских казаков Ломак с. Шумарова, а Федор стал родоначальником той ветви Ломак, от которой и произошли мои прямые предки.

Таблиц 1.7. Фрагмент «Книги переписной города Чернигова и уезда»

Первая страницы переписи 1721 г.

Казаки с. Шумарова 1721 г.

Казаки с. Шумарова, 1721г.

1. Иван Лапин
 2. Марко Олисейцев
 3. Степан Агеев?
 4. Захар Райк?
 5. Тимох Свинопасов
 6. Потап Патькин
 7. Иван Плюц
 8. Парфен Лосев
 9. Иван Лосот
 10. Василь Лосев
 11. Ко[н]драт Райков?
 12. Илья Малахов
 13. Иван Носовский .
 14. Алексей Тапехин
 15. Осип Габала?
 16. Иван Ломакин
 17. Игнат Тапехин
 18. Потап Картавого?
 19. Федор Ломакин
 20. Давид Сапоненко
- Итого 20

